

люсти или с бока, из называемых клыковыми», если по всем остальным показателям они годны к службе¹. Введение данного положения было обусловлено частыми уклонениями от наборов при помощи членовредительства. Также стоит отметить, что начинается модернизация военного оснащения Российской империи, в частности бумажные патроны уходят в прошлое.

Начиная с 1830-х гг. в шаблонах формулярных списков появляются такие критерии, как «цвет бровей», «разрез рта» и «форма подбородка». Однако стоит отметить, что к данным показателям относились достаточно формально, такой вывод можно сделать, исходя из их заполнения. При изучении вышеуказанного источника мы видим, что вариаций при описании данных параметров было немного – около 2-4 с значительным преобладанием одного из них. Так, например, рот описывался как «умеренный» в более чем 99 % случаев.

Стоит отметить, что после издания рекрутского устава в 1831 г. в формулярных списках рядом с именем рекрута начинают указывать годность его к службе или необходимость помещения новобранца в больницу для излечения, а также его негодность с указанием причин.

В заключение на основе результатов составленной нами БД мы можем сделать вывод, что новобранец начала – середины XIX века в Пензенской губернии выглядел следующим образом: 22,5 года, рост около 160 см, серые глаза, русые волосы, белое лицо.

УДК 929

DOI: 10.18287/978-5-6052980-3-8-2024-36

*Сорокин Н.В.*²

**Н.М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ И ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ: ПРОБУЖДЕНИЕ ИНТЕРЕСА К АЗИИ
(г. Смоленск)**

¹ ПСЗ-П. Т. III. № 2362.

² Сорокин Никита Витальевич, г. Смоленск, Смоленский государственный университет, бакалавр, факультет истории и права, кафедра истории России (науч. рук. Н.И. Горская, д-р ист. наук, профессор), johnnydike2005@gmail.com

Статья посвящена анализу отношений Н.М. Пржевальского и наследника престола Николая Александровича. Знакомство обеих персон произошло в 1881 г. и вылилось в регулярные беседы, лекции и передачу опыта великим путешественником. Автор подробно рассматривает влияние личности Н.М. Пржевальского на цесаревича, определяет его роль в жизни Николая Александровича, устанавливает связь между мировоззрением и деятельностью российского географа и политическим воспитанием наследника престола, а также экстраполирует идеи Н.М. Пржевальского на внешнеполитическую линию будущего императора Николая II.

Отдельное внимание в статье уделяется биографии Н.М. Пржевальского: рассматриваются вклад российского исследователя в науку и образ Н.М. Пржевальского в отечественной и зарубежной историографии, намечаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: Н.М. Пржевальский; влияние на воспитание наследника престола; Николай Александрович; дальневосточное направление внешней политики Николая II.

*Sorokin N. V.*¹

**N.M. PRZHEVALSKY AND TSAREVICH
NIKOLAI ALEXANDROVICH: AWAKENING INTEREST IN ASIA
(Smolensk)**

The article is devoted to the analysis of relations between N.M. Przhevsky and the heir to the throne Nikolai Alexandrovich. The acquaintance of both persons occurred in 1881 and resulted in regular conversations, lectures and transfer of experience by the great traveler. The author examines in detail the influence of N.M. Przhevsky's personality on the Tsesarevich, defines his role in the life of Nicholas Alexandrovich, establishes the connection between the outlook and activities of the Russian geographer and the political education of the heir to the throne, and extrapolates the ideas of N.M. Przhevsky on the foreign policy line of the future Emperor Nicholas II.

Special attention in the article is paid to the biography of N.M. Przhevsky: the contribution of the Russian researcher to science and the image of

¹ Sorokin Nikita Vitalievich, Smolensk, Smolensk State University, bachelor, Faculty of History and Law, Department of Russian History (scientific supervisor N.I. Gorskaya, Doctor of Historical Sciences, professor), johnnydike2005@gmail.com

N.M. Przhevsky in domestic and foreign historiography are considered, the prospects for further research are outlined.

Keywords: N.M. Przhevsky; influence on the upbringing of the heir to the throne; Nikolai Alexandrovich; Far Eastern direction of Nikolai II's foreign policy.

В преддверии Великой войны один из гениальнейших людей Российской империи – в прошлом министр путей сообщения, министр финансов – С.Ю. Витте, составляя свои мемуары, писал: «Государь император [Николай II. – *Н. С.*] желал вообще распространить влияние на Дальний Восток и увлекался этой идеей... Но, конечно, в то время у него никакой определенной программы не сложилось; было лишь только стихийное желание...»¹ Это суждение было высказано применительно к переходному десятилетию 1894-1904 гг. в развитии международных отношений Азиатско-Тихоокеанского региона. Именно тогда российское правительство усилило свое внимание к Дальнему Востоку².

Российская дипломатия, которая до того более десятилетия пребывала в спячке, внезапно оживилась. Начало правления Николая II ознаменовалось рядом мероприятий по распространению российского влияния в Восточной Азии.

В 1895 г. после короткой японо-китайской войны Министерство иностранных дел Российской империи организовало дипломатическое выступление в Токио. Годом позже был заключен оборонительный союз с Китаем. Вопреки политике «мирного проникновения» Николай II в 1897 г. отправил корабли Тихоокеанской эскадры на рейд Порт-Артура. А в 1898 г. был подписан договор об аренде Россией этого самого Порт-Артура. На пятый год царствования, в день рождения императора, была созвана Гаагская конференция 1899 г., на которой были предприняты попытки ограничить рост вооружения и сократить численность армий и флотов ведущих мировых держав³.

Хотя «большая политика» все так же разыгрывалась в Европе, очевиден поворот руководства страны на Восток. Можно предпо-

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. Ленинград, 1924. С. 35.

² История внешней политики России (конец XIX – начало XX века): от русско-французского союза до Октябрьской революции. Москва, 1997. С. 133.

³ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). Москва, 2006. С. 418-420, 441-444.

ложить, что российское правительство в 1890-х гг. было заинтересовано не в балансировании между двумя полюсами международной политики, а в сосредоточении всех сил для действий исключительно на азиатском направлении и вычеркивании из своих политических расчетов Европы, с которой предполагалось минимизировать сношения и достигнуть нейтралитета¹. Таким образом, восточное направление вышло на внешнеполитическую авансцену.

Можно ли утверждать, что поворот громадной государственной машины на Восток продиктован ходом всего исторического развития? Множество фактов однозначно отвечают на данный вопрос: происходила концентрация видных востоковедов в высших эшелонах власти², проявляли заинтересованность и инициативу крупные банкиры, промышленники и военнослужащие в развитии ж/д инфраструктуры на Дальнем Востоке³. Все это бесконечно верно и справедливо указывает на причины активизации внешней политики Российской империи на азиатском направлении.

Однако объективные процессы выступили в качестве намека для царского правительства. Не стоит забывать, кто все-таки утвердил, одобрил, санкционировал и, в конце концов, репрезентировал данную политику Николай Александрович Романов. Тем более что вследствие частой смены министров иностранных дел император во второй половине 1890-х гг. стремился к активному личному руководству внешней политикой России⁴.

По справедливому замечанию В.А. Никонова, монарх в позднеимперский период неизменно выступал фокусом русской истории⁵. Любые события и явления отечественной истории неизбежно

¹ Политическая формула миролюбивой политики в Европе и захватнической – на Востоке родилась в начале 1898 г. Данная стратегия была обоснована военным министром А.Н. Куропаткиным и министром иностранных дел М.Н. Муравьевым, после чего была представлена царю. См.: История внешней политики России (конец XIX – начало XX века)... С. 116-117.

² Особым влиянием при дворе среди партии «восточников» пользовался князь Э.Э. Ухтомский. См.: Marks S.G. Road to the Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850-1917. Ithaca, 1991. P. 136.

³ История железнодорожного транспорта России: в 3 т. / под общ. ред. Е.Я. Красковского, М.М. Уздина. Т. 1: 1836-1917 гг. Санкт-Петербург, 1994. С. 145-146.

⁴ Айрапетов О.Р. Внешняя политика ... С. 421.

⁵ Никонов В.А. Крушение России. 1917. Москва, 2016. С. 15.

сопровождались монаршей волей. Следует согласиться, что если бы ни наличие искреннего интереса у молодого императора к Востоку, подмеченное еще С.Ю. Витте, то внешняя политика России так резко не сменила бы колею¹.

Пристрастие к Азии действительно легко прослеживается у Николая II. Откуда же корни этой любви? Многие современники и исследователи полагают, что Большое путешествие 1890-1891 гг., которое произошло в бытность Николая Александровича наследником, очень впечатлило цесаревича и пробудило в его воображении сильный интерес к Востоку². Объездив Египет и территорию всей Британской Индии, цесаревич весной прибыл в Японию, где 29 апреля 1881 г. произошел инцидент в Оцу: японский полицейский напал на главного героя этого путешествия³. За 10 лет до этого покушения, которое «обожгло» цесаревича и вынудило его как можно быстрее окончить азиатское путешествие⁴, произошло не менее судьбоносное знакомство Николая Александровича с Н.М. Пржевальским, привившее интерес тринадцатилетнего наследника к Азии.

В связи с возросшей в последнее время популярностью исторической персоналистики не стоит приуменьшать роль этого, казалось бы, кратковременного общения – с марта 1881 по октябрь 1888 гг., – ведь именно в истории взаимоотношений опытного путешественника и молодого цесаревича можно проследить те зерна, взрастившие в сознании будущего императора определенные идеа-

¹ Более того, сам Николай II во время ревельского свидания с Вильгельмом II в 1902 г. признавался, что питает особый интерес к Восточной Азии и рассматривает укрепление и расширение русского влияния в этой области как задачу именно своего правления. См.: Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Белград, 1939. С. 214.

² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. Ленинград: Гос. изд-во, 1924. С. 361; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. Москва, 2009. С. 35.

³ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток. Т. 1-3. Санкт-Петербург, Лейпциг, 1893-1897.

⁴ Стоит отметить, что, согласно записям, сделанным в дневнике наследника, «не без грусти» Николай Александрович покидал Японию, т. к. ему там все нравилось, и что даже «происшествие 29-го апр[еля] не оставило после себя и следа горечи или неприятного чувства». См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. Л. 205.

лы и мировоззренческие установки. Целью данного исследования является установление роли Н.М. Пржевальского в становлении личности будущего монарха.

Вопрос воспитания заслуживает особого внимания при рассмотрении личности царской особы, так как преподавательский состав оказывает сильное – если не решающее – влияние на развитие наследника. В семье Романовых в XVIII-XIX вв. подбор собственного штата осуществлялся с особой скрупулезностью, обучение наследника становилось системным и, как правило, для выполнения образовательной миссии приглашались лучшие преподаватели и методисты – ими зачастую становились именитые люди с громкими фамилиями. В.О. Ключевский, Н.Х. Бунге, Ц.А. Кюи, Н.К. Гирс и генерал-адъютант Г.Г. Данилович – все они дали наследнику гармоничное образование. Николай Александрович основательно знал как экономические, юридические и гуманитарные науки, так и элементы военного дела¹.

Однако великий путешественник также не выпадает из списка кумиров и наставников Николая Александровича. В чем же заключалось участие Н.М. Пржевальского в образовании цесаревича?

15 марта 1881 г. открылась выставка коллекций, привезенных Н.М. Пржевальским из третьего путешествия. Выставку посетил Александр III с супругой и наследником цесаревичем, будущим императором Николаем II. Это была не первая встреча путешественника с царской семьей. Н.М. Пржевальский к тому моменту уже имел определенное расположение августейших особ². Поэтому неудивительно, что впоследствии 25 апреля императрица через Г.Г. Даниловича писала Н.М. Пржевальскому, чтобы тот «в нескольких беседах сообщил тринадцатилетнему Наследнику Цесаре-

¹ Лелина В.И. Формирование системы обучения и воспитания наследников престола в императорской России // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2016. № 6. С. 54-59; Зимин И.В. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Москва, 2011. С. 156.

² Первыми из высочайших особ познакомились с Пржевальским вел. кн. Константин Николаевич и вел. кн. Елена Павловна, оценив его достоинства. Затем в 1874 г. путешественник впервые был представлен Александру II. Такой же интерес к нему выразил и Александр III. См.: Семенов-Тянь-Шанский П.П. Речь вице-председателя Русского географического общества П.П. Семенова в чрезвычайном собрании Общества 9-го ноября 1888 г. Санкт-Петербург, 1889. С. 13-14.

вичу главнейшие результаты своих путешествий». Н.М. Пржевальский принял это приглашение с глубокой благодарностью и «имел счастье еще до начала лекций поднести Его Высочеству коллекцию птичек, художественно расположенных на дереве». 1 мая 1881 г. он прочел в Гатчине первую лекцию. Биограф путешественника Н.Ф. Дубровин свидетельствовал «о том внимании, с которым был встречен царским семейством» новый лектор¹.

Действительно, между Н.М. Пржевальским и царской фамилией сложились дружеские отношения. И неспроста выбор императрицы пал на путешественника. В то время сформировалась настоящая «мода» на Пржевальского². Частенько в столице собирались салоны только ради того, чтобы провести вечер с великим человеком. Н.М. Пржевальского приглашали на шумные встречи, он был почетным гостем в любых кругах, его историями заслушивались с большим интересом. Петербург каждый раз встречал Н.М. Пржевальского из экспедиций как человека, который может приоткрыть завесу тайны Центральной Азии, поделиться самой актуальной информацией из мира науки.

По свидетельству Д.А. Милютина, с которым Н.М. Пржевальский был дружен, коллекции и публичные выступления исследователя притягивали большое внимание всех без исключения: начиная от слушательниц высших женских курсов и заканчивая австрийским императором Францом-Иосифом. Н.М. Пржевальский пользовался авторитетом «замечательного путешественника» как в России, так и в Европе³. В общем, он был популярной персоной, которая неизбежно заинтересовала семью императора.

Теперь необходимо выяснить, каким же образом сам путешественник был связан с Азией и какой багаж знаний имел об этом субконтиненте?

11 из 49 лет своей жизни Николай Пржевальский провел в экспедициях. Более 33 000 пройденных километров, сотни открытий, тысячи образцов собранного научного материала. Сделанного

¹ Дубровин Н.Ф. Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. Санкт-Петербург, 1890. С. 361.

² Роборовский В.И. Николай Михайлович Пржевальский в 1878-1888. Воспоминания Всев. Ив. Роборовского // Русская старина. 1892. Т. 73. С. 232-233.

³ Милютин Д.А. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1873-1875. Москва, 2008. С. 100, 106-107; Его же. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879-1881. Москва, 2010. С. 257.

им хватило бы на несколько жизней и долгие годы путешествий. Вице-председатель ИРГО П.П. Семенов справедливо назвал время с 1871 по 1885 г. эпохой экспедиций Н.М. Пржевальского¹.

Первой научной работой Н.М. Пржевальского стал «Опыт статистического описания и военного обозрения Приамурского края». Ее Пржевальский выполнил столь блестяще, что ИРГО в феврале 1864 года избрало его своим действительным членом. Началом его исследовательской деятельности стала экспедиция по Уссурийскому краю, которая стала одним из самых значительных азиатских исследований тех лет.

Список всех экспедиций Н.М. Пржевальского:

- Путешествие по Уссурийскому краю – 1867-1869 гг.
- Первое путешествие в Центральную Азию (монгольское) – 1870-1873 гг.
- Второе путешествие в Центральную Азию (лобнорское) – 1876-1877 гг.
- Третье путешествие в Центральную Азию (1-е тибетское) – 1879-1880 гг.
- Четвертое путешествие в Центральную Азию (2-е тибетское) – 1883-1885 гг.
- Пятое (последнее) путешествие в Центральную Азию – 1888 г.

Основные результаты своих исследований Пржевальский изложил в пяти итоговых трудах². Его вклад в науку огромен: он впервые подробно обследовал обширную территорию Центральной Азии, охватывающую Монголию, Джунгарию, Восточный Тибет и Туркестан, произвел ее съемку, открыл и описал несколько видов животных, собрал богатейшие зоологические, минералогические и ботанические коллекции с множеством новых форм. Сделал первое подробное описание пустыни Гоби и впервые правильно нанес на

¹ История полувековой деятельности ИРГО. 1845-1895. Ч. 2, отд. 4 / П.П. Семенов. Санкт-Петербург, 1896. С. 469-979.

² Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. Санкт-Петербург, 1870. 369 с.; Его же. Монголия и страна тангутов. Т. 1-2. Санкт-Петербург, 1875-1876; Его же. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. Санкт-Петербург, 1878. 68 с.; Его же. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Санкт-Петербург, 1883. 476 с.; Его же. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. Санкт-Петербург, 1888. 537 с.

карту многие высочайшие цепи Центральной Азии. Научные результаты путешествий Пржевальского широко использованы географами и картографами всего мира¹.

Несомненно, великому русскому путешественнику было что рассказать наследнику престола. Перед самым началом четвертого путешествия в Центральную Азию Н.М. Пржевальский получил в Кяхте 17 августа 1883 г. письмо Г.Г. Даниловича. Воспитатель Николая Александровича писал: «Если бы во время путешествия Вам представилась бы возможность прислать весть о Вашем деле в дальний Петербург, адресуйте пакет на мое имя для предоставления Государю Наследнику Цесаревичу. Не думайте при этом нисколько о редакции Вашего письма; для Его Высочества интересны будут все известия, написанные или даже выцарапанные Вашею рукою»².

Н.М. Пржевальский выполнил просьбу и написал несколько писем наследнику цесаревичу, который при возвращении Пржевальского из четвертого путешествия поздравил его телеграммой «с благополучным окончанием многотрудной экспедиции и приобретенными результатами». Наследник даже делился этими письмами с ИРГО³.

Юношу явно влекла приключенческая романтика в трудных и экстремальных условиях – все же испытаний на долю Пржевальского выпадало немало. Любопытство мальчика было возбуждено экзотическими рассказами великого путешественника.

Однако что же насчет политического влияния Н.М. Пржевальского?

Здесь необходимо сделать ремарку. Хотя основные исследования Н.М. Пржевальского и были нацелены на открытие Центральной Азии, являвшейся по-прежнему белым пятном на карте, все же не стоит забывать, что все экспедиции путешественника изрезали вдоль и поперек пограничную линию с Китаем (самую длинную из межгосударственных границ в мире). Китай среди прочих стран также входил в будущем в орбиту внешней политики императора Николая II.

¹ Пржевальский. Путешествие длиною в жизнь. Экспедиции великого первооткрывателя в документах РГО // Русское географическое общество: сайт. 2020. URL: <https://przhevalsky.rgo.ru> (дата обращения 29.09.2024).

² НА РГО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 61. С. 7, 8.

³ История полувековой деятельности ИРГО. Ч. 2, отд. 4. С. 541.

Поэтому опрометчиво было бы утверждать, что векторы научных рекогносцировок Н.М. Пржевальского и внешнеполитических действий Николая II были различны. Напротив, если условно очертить на карте области, входившие на рубеже веков в сферу интересов России – в частности всю Азию целиком¹, – то получится, что зона внешнеполитической активности последнего русского монарха и зона исследований первого отважного путешественника, «избороздившего всю внутренность Азиатского материка»², пересекаются друг с другом.

Из переписки Н.М. Пржевальского с наследником³ становится очевиден факт пробуждения интереса Николая Александровича к Азии.

Вопрос требуется поставить иначе: какой характер носило это политическое влияние?

Для ответа на заданный вопрос предлагаю обратиться к назревшей проблеме в исторической науке касательно биографии великого путешественника. Был ли Н.М. Пржевальский разведчиком или в высшей степени исследователем? Шовинистом или космополитом? Ученым или военным?

В современной историографии применительно к этой проблеме наметились две точки зрения. На позициях, отстаивающих «воинственность» Н.М. Пржевальского, стоит канадский историк Дэвид Схиммельпенник Ван дер Ойе. Историк-славист, специалист по Дальнему Востоку, проводивший открытые курсы в Тюмени на тему русского ориентализма, он убедительно доказывает разведывательный и империалистический характер экспедиций Н.М. Пржевальского, называя его геополитиком и «несостоявшимся Кортесом»⁴.

¹ Несмотря на смещение внешнеполитического акцента в Восточную Азию, российским правительством не была прервана стратегическая борьба на других «фронтах» Большой Игры – дипломаты и прежде всего разведчики продолжали неустанно работать в Персии и Афганистане. См.: Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. Москва, 2012. С. 199-217.

² История полувековой деятельности ИРГО. Ч. 2, отд. 4. С. 542.

³ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1329.

⁴ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Несостоявшийся Кортес // Родина. 2002. № 6. С. 36-40; Его же. Неизвестный Пржевальский // Ариаварта. 1997. № 1. С. 207-226.

Иную позицию занимает потомок и тезка великого путешественника – Николай Михайлович вместе со своей супругой Людмилей Константиновной Пржевальские. В своей совместной работе они решительно отвергают образ «путешественника-конкистадора», наложенный на Н.М. Пржевальского. Авторы считают, что, во-первых, Н.М. Пржевальский давал скудные донесения в Главный штаб, так как путешествовал в основном по ненаселенным территориям, обходя иностранные войска (к тому же собранные сведения сразу же публиковались в прессе, получая массовый охват). Во-вторых, «шовинистические» высказывания Н.М. Пржевальского о Китае спорадичны и объясняются взрывным характером путешественника и его оскорбленным самолюбием, а не захватническими интересами. В 1870 – начале 1800-х гг. назревший Кульджинский вопрос обострил отношения с Китаем. Поэтому Н.М. Пржевальский, как истый гражданин, нелестно высказывался о потенциальном враге. К тому же во время путешествий китайские чиновники постоянно хитрили и чинили ему всяческие препятствия. Однако высказанные в статьях Н.М. Пржевальского суждения не повлияли должным образом на правительственные круги и остались лишь предметом дискуссий читающего общества.

Н.М. и Л.К. Пржевальские на основе восторженных описаний природы исследователя и его достижений при работе в ИРГО заключают, что научные интересы для великого путешественника были превыше политических целей и он прежде всего был исследователем, а не разведчиком¹.

Спор этот в сущности представляет собой перетягивание каната, ведь ученые при построении гипотез просто меняют соотношение военных и научных предпочтений в жизни Н.М. Пржевальского. Одни ставят во главу угла его «воинственность», другие – жажду первооткрытий. С одной стороны, бесспорен вклад Н.М. Пржевальского в науку. А с другой стороны, подозрительными кажутся выписка в экспедицию экспериментальной модели новейшего пулемета Максима² или исключительный интерес путе-

¹ Пржевальская Л.К., Пржевальский Н.М. Николай Михайлович Пржевальский. Путешествие длиною в жизнь. Москва, 2024. 536 с.

² Российские экспедиции в Центральную Азию: Организация, полевые исследования, коллекции. 1870-1920-е гг.: сборник статей / под ред. А.И. Андреева. Санкт-Петербург, 2013. С. 68-69.

шественника к Тибету¹. В связи с этим по отношению к Н.М. Пржевальскому можно признать подходящими только два метких высказывания, составляющих по сути оксюморон. М.А. Энгельгардт употребил по отношению к его деятельности термин «научное завоевание»². А современный исследователь М.К. Басханов ввел понятие «географических генералов»³.

Личность Н.М. Пржевальского тем и уникальна, что ее невозможно загнать в прокрустово ложе.

Однако ни в переписке с наследником, ни в лекционных материалах, ни в личном общении с Николаем Александровичем не содержались различные «конкистадорские» мотивы и призывы к войне. Поэтому следует считать неправомерными заявления Схиммельпеннинка, что известный исследователь Азии, тесно общаясь с цесаревичем, выступил актором Русско-японской войны 1904-1905 гг.⁴

Таким образом, общение с великим русским путешественником генерал-майором Н.М. Пржевальским имело в жизни наследника особое значение. Известный географ очертил наследнику природные богатства азиатских территорий, рассказал о своих похождениях, поделился результатами своих открытий, познакомил с значимыми городами и традициями Востока. Однако важно пони-

¹ Сам Н.М. Пржевальский в своей записке от 24 августа 1878 г. двояко трактовал цели экспедиции в Тибет. С одной стороны, путешественник имеет спортивный и исследовательский интерес: первее добраться до Лхасы и изучить флору и фауну страны. С другой стороны, он мыслит стратегически: «приласкать духовную власть, задобрить, а если будет возможно, то и подружиться – вот в чем, мне кажется, Россия может найти для себя немаловажную выгоду». См.: Дубровин Н.Ф. Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. Санкт-Петербург, 1890. С. 579-581; Большинство ученых даже сходятся на том, что Лхаса была целью (мечтой) всей жизни Н.М. Пржевальского. Одна из работ британского литературоведа, посвященная биографии Н.М. Пржевальского, прямо так и называется. См.: Rayfield D. The Dream of Lhasa. London, 1976. 214 p.

² Энгельгардт М.А. Н. Пржевальский. Его жизнь и путешествия. Санкт-Петербург, 1891. С. 79.

³ Басханов М.К. «Не ковром была постлана нам дорога вглубь Азии»: феномен эпохи русских «географических генералов» // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). Санкт-Петербург, 2014. С. 297-318.

⁴ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Неизвестный Пржевальский // Ариаварта. 1997. № 1. С. 222.

мать, что это общение лишь косвенно связано с проводимой в дальнейшем политикой на Дальнем Востоке. Все общение молодого наследника с Н.М. Пржевальским ограничивалось по большей части рассказами о флоре и фауне, а никак не о геополитике. Можно утверждать, что знакомство с Н.М. Пржевальским явилось одним из звеньев длинной цепи событий и влияний, внушив наследнику глубокий интерес к Азии.

Это знакомство – нечто большее, чем просто педагогические отношения. И вовсе оскорбительно было бы утверждать, что сближение с наследником имело корыстные цели¹. Сам Н.М. Пржевальский в августе 1888 г. подчеркивал, с какой сердечностью наследник перед началом пятого путешествия принял 49-летнего исследователя. «Меня провожали и напутствовали, как родного», – отметит Н.М. Пржевальский. Цесаревич просил Н.М. Пржевальского писать ему из экспедиции и вообще чаще давать знать о себе². Но, к сожалению, 20 октября 1888 г. Н.М. Пржевальский скончался в Караколе и был похоронен как настоящий русский богатырь на перепутье «у подножия самой величественной грани Русской земли» – у берегов озера Иссык-Куль перед величественным Тянь-Шанем. «В этом выражается глубокая и трогательная вера народного героя не только в бессмертие своей идеи, но и в неоскудение русской земли такими же богатырями, как он» – такое поэтическое значение П.П. Семенов в своей речи 9 ноября 1888 г. придавал смерти Н.М. Пржевальского³.

Остается открытым вопрос, кем же все-таки был Н.М. Пржевальский для наследника престола: опытным военным, виртуозным преподавателем истории и географии, страстным путешественником и азартным охотником либо же ученым-географом. Журналист Голованов в 1976 г. очень красноречиво охарактеризовал раз-

¹ В 1887 г. наследник неожиданно пожертвовал 25 тыс. руб. из собственных средств для издания зоологических коллекций. См.: Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. Предисловие. С. I-II.

² Дубровин Н.Ф. Николай Михайлович Пржевальский... С. 451.

³ Семенов-Тян-Шанский П. П. Речь вице-председателя Русского географического общества П.П. Семенова в чрезвычайном собрании Общества 9-го ноября 1888 г. С. 16.

носторонность взглядов на личность Н.М. Пржевальского: «Читаешь о Пржевальском, листаешь книги и то там, то здесь обнаруживаешь удивительные контрасты. Ах, какой это был сложный, противоречивый, трудный и прекрасный человек! Как непохож он на того бодрячка-офицера, которого лет пятнадцать-двадцать назад показывали в кино! Как удобно биографам, каждому на свой вкус, лепить из него то нелюдима-пустынника, то восторженного романтика! В его характере так много самого разного, что отыскать можно все»¹.

Так вот лучше всего не «лепить» из могучей личности Н.М. Пржевальского выгодные для себя образы, а действительно заниматься изучением биографии великого исследователя. К сожалению, фигура смоленского путешественника в отечественной истории до сих пор остается неисследованной. Что тут и говорить, если только в конце XX в. благодаря супругам Гавриленковым, внесшим огромный вклад в развитие смоленского краеведения, была установлена подлинная дата рождения Н.М. Пржевальского – 1 апреля 1839 г.²

Современные краеведы должны проявлять больше внимания к значимым людям своего региона. Ведь именно поиск истины, утверждение достоверных сведений и популяризация биографии известных земляков дадут молодежи новые примеры честности, самоотверженности и стремления к достижению своих целей. Кто знает, может быть, Н.М. Пржевальский станет таким же ориентиром для современного подростка, как некогда стал таковым для Николая Александровича или, что более явно, для А.П. Чехова, рванувшего на Сахалин³.

¹ Голованов Я.К. Этюды об ученых. Москва, 1976. С. 50.

² В их отдельных исследованиях было впервые обращено внимание на свидетельство о рождении и крещении Пржевальского (ЦГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 6459. Л. 6) и на запись в церковной книге села Лабкова Смоленского уезда. См.: Гавриленков В.М. Русский путешественник Н.М. Пржевальский. Смоленск, 1989. 141 с.; Гавриленкова Е.П. Неизвестные страницы биографии Н.М. Пржевальского. Смоленск, 1999. 142 с.

³ Гавриленкова Е.П. Неизвестные страницы жизни Н.М. Пржевальского. Смоленск, 2011. С. 55-58.